

Наша газета продолжает серию публикаций, посвященных 165-летию героической обороны Петропавловского порта в 1854 году, по материалам сборника «Защитники Отечества» Дальневосточного книжного издательства (1989). Составитель сборника Б. П. Полевой.

В этом номере мы продолжаем публиковать воспоминания участника обороны Петропавловского порта в 1854 году капитана I ранга Александра Арбузова, а также приводим иные свидетельства тех героических дней.

ОБОРОНА ПЕТРОПАВЛОВСКОГО ПОРТА В 1854 г.

ПРОТИВ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ЭСКАДРЫ (А. П. АРБУЗОВ)

Из записок очевидца и участника в этом деле

(Продолжение. [Начало в № 13 от 10.04.2019](#))

Капитан I ранга Александр Павлович Арбузов в декабре 1853 г. был назначен помощником камчатского губернатора и командиром Петропавловского порта. По пути на Камчатку еще в Иркутске возглавил отряд солдат, которые были направлены для обороны Петропавловска. Еще в Забайкалье организовал обучение солдат действиям строем, что принесло большую пользу при штурме Никольской горы. Уже вскоре после прибытия на Камчатку в июле 1853 г. он испортил отношения с В. С. Завойко, который своей властью отрешил его от командования Петропавловским портом. Арбузов отказался подчиниться приказу Завойко и на этой почве отношения между ними крайне обострились. Несмотря на отрешение от должности, Арбузов добился того, что ему разрешили принять участие в обороне порта. Он участвовал при штурме Никольской горы. Но В. С. Завойко в своем рапорте умолчал о роли Арбузова в обороне Петропавловска. Именно это вызвало большое раздражение у А. П. Арбузова. В какой-то мере он был прав, что В. С. Завойко был необъективным в оценке роли в обороне отдельных ее участников, например, И. Н. Изыльметьева, К. И. Мровинского и самого А. П. Арбузова. Но читатель должен помнить, что и сам А. П. Арбузов освещал события обороны тоже

необъективно, и в его записках имеется немало неточностей. Английский адмирал Прайс покончил жизнь самоубийством, а не погиб от русского снаряда. Искажал он и фамилии участников обороны: МаксUTOва он называл МаксЮтовым, Мровинского – Муравинским, залив де-Кастри именовал заливом Кастро, гольдов именовал гольтами.

Все эти явные ошибки нами исправлены в публикуемом тексте. Воспоминания А. П. Арбузова были напечатаны в журнале «Русская старина», 1870, т. I, с. 365-379.

«... Всего под ружьем составилось 983 нижних чинов и 30 вооруженных гражданских чиновников – итого 1013, между тем, как неприятель ожидал здесь найти лишь команду инвалидов, как его и известили китоловные суда, зимовавшие в Петропавловске и встретившиеся с ним у Сандвичевых островов.

Вступая в отправление своих обязанностей по порту и экипажу, я на первых порах заметил неполноту показанного по ведомостям провианта, а вслед за тем открыл скрытое адъютантом К-м на чердаке серое сукно в количестве 500 аршин, которое предместник мой Фрейганг предполагал употребить на теплые одеяла для матросов. Когда мною о встреченном было донесено Завойке, то он, вместо исследования дела, посадил подведомственного мне комиссара г. Руднева на гауптвахту...

Вслед за тем 10-го августа получил я от Завойко предписание за № 1207, в котором было сказано, что я должен отправиться за 800 верст для ознакомления со страной до селения Большерецк. Как ни неожиданно и странно показалось мне такое предписание, но, привыкнув свято исполнять приказания, дорожа временем, я поторопился осмотреть оборонительную линию и о найденных слабых пунктах донес начальнику, причем просил, для удобнейшего сохранения привезенного клипером «Св. Магдалина» провианта, только что сгружаемого в магазины, разместить его по разным домикам до заморозков, бывающих в сентябре, – в том предположении, что без этого размещения, при бомбардировке города, гарнизон может разом лишиться ничем не заменимого продовольствия. Но на это я получил предписание от 14-го августа за № 2352 с замечанием относительно несообразности сделанного мною донесения, потому будто бы, гора так высока, что неприятельские снаряды перелетать через нее не могут. Затем тут же напоминалось мне безотлагательно приступить к исполнению предписания от 10-го августа. Видя, что мне ничего более не оставалось делать, как безусловно повиноваться, я спешил покончить сделанные к отъезду моему приготовления, как совершенно неожиданно важные, по законам, обстоятельства заставили меня остаться на своем посту...

Вечером 16-го августа сигналом с дальних маяков дано было знать о появлении судов на горизонте Восточного океана, что и подало всем мысль о приходе неприятеля. Предположение это на другой же день подтвердилось. Августа 17-го дня утром вошел в Авачинскую губу трехмачтовый колесный пароход под американским флагом, тотчас узнанный офицерами фрегата «Аврора», ибо он находился в эскадре, встреченной ими в Южной Америке, у порта Калао. Людей на пароходе было замечено мало, и он остановился, не доходя мили до передовых укреплений порта. Навстречу ему был выслан на вельботе штурманский офицер, прапорщик Самохвалов, для оказания услуг при проводке к порту. Но пароход, завидя шлюпку, тотчас же повернул назад, и в это время показалось на нем много народа. Тогда очевидно было, что эскадра, крейсирующая у входа, была неприятельская. На другой день, 18-го числа, при Ю. В. ветре вошла в Авачинскую губу эскадра, состоящая из следующих судов: английские – фрегат «Президент», под флагом адмирала Прайса, 52 пушки; «Пайк» – 44 пушки; трехмачтовый пароход «Вираго» – 8 бомбических пушек. Французские – фрегат «Ла-Форт», под флагом адмирала Фебриэ де-Пуанта, 60 пушек; «Эвридика» – 32 пушки и бриг «Облигадо» – 18 пушек.

При таких исключительных обстоятельствах я, применяясь к точному смыслу военного закона, не имел права оставлять свой пост в виду угрожающего противника. Закон говорит, что никто из служащих при исполнении возложенных на него обязанностей не должен смотреть ни на какое лицо, ни на какие предложения, но обязан исполнить свой долг по точной силе и словам закона. Далее закон говорит, что старший при начальнике не оставляет своего поста на случай его смерти; начальник команды не может быть никуда посылаем на срок, свыше трехдневного; капитан над портом, под страхом смертной казни, не оставляет своего поста...

Встретясь в порте с г. Завойко 18-го августа, перед началом дела, я объяснил ему все эти обстоятельства в присутствии командира фрегата капитан-лейтенанта Изильметьева; но в ответ на это получил от г. Завойко возражение, что он действует по особенным инструкциям. Тогда я сказал ему: «Если ваша власть выше закона, закуйте меня в кандалы и бросьте на гауптвахту!» На это г. Завойко повернулся от меня и отпустил меня от всех занимаемых мною должностей, о чем того же числа был им отдан приказ по управлению. Видя, что мне ничего не оставалось, как только поступить волонтером, я обратился с этой просьбой к командиру фрегата «Аврора» и, получив согласие его, мог быть не простым зрителем начинавшегося дела.

Находясь на фрегате, мы вскоре увидели десант неприятелей, шедший на гребных судах к Красному Яру на отдаленную батарею № 4-й. Неприятельский десант шел под

прикрытием дыма от выстрелов, производимых им с своей позиции по батарее № 1-й, названной неприятелем Шаховой, на мысе, ниже внутреннего маяка, над скалою известкового камня, и по батарее № 2-й, находящейся на косе, по-народному – Кошке, отделяющей порт, запертый боном, и прикрывающей левый борт нашего фрегата «Аврора».

Занявшись на фрегате управлением орудий капитанской каюты и наблюдая за полетом ядер, я придал орудию самое большое возвышение и пустил по прицелу ядро; оно упало на батарею № 4-й, уже занятую неприятелем, водрузившим французский флаг, в то время как командир означенной батареи, мичман Попов, не видя подкрепления, заклепал орудия, взял порох и снаряды и ушел. Между тем начали собираться наши стрелковые партии, и, несмотря на беспорядочный сбор их, толпившихся около местности фрегата без предводителей, неприятель, увидя неожиданную массу наших сил, тотчас отретировался. При этом он сбросил с батареи одно орудие и повредил брюки и тали морских станков. В это время на фрегат к нам взошел г. Завойко в сопровождении палача с кнутами в футляре... Это унижение достоинства начальника до того поразило меня, что я, и без того изнуренный путешествием на транспорте «Двина» и последовавшими за тем событиями, упал в обморок в батарее, откуда бесчувственного снесли меня на кубрик, где с помощью доктора привели меня в чувство.

Тут узнал я, что г. Завойко ушел и приказал орудия на батареях заклепать и, если фрегат не выдержит огня неприятелей, то его и транспорт «Двину», стоящую рядом, сжечь, а команду собрать на берег. Едва держась на ногах, пошел я в каюту и, встретив фрегатского священника, иеромонаха отца Иону, сказал ему: «Отец, может быть, скоро я умру, но завещаю вам, что наша обязанность – расклепать орудия и поправить дело!» После этих слов я вошел в каюту и объявил капитану фрегата и офицерам, что опрометчивое решение г. Завойко заклепать орудия не поведет к добру, почему прежде всего необходимо расклепать их. В ответ на вызов мой взяться за расклепку г. Изыльметьев, вполне соглашаясь с необходимостью этой операции, обещал поручить ее прапорщику артиллерии Можайскому. Вслед за этим, заметив, что прислуга батареи № 1-й должна сильно страдать от осколков скалы, увидя раненного ими в голову командира батареи, лейтенанта Гаврилова, я просил г-на Изыльметьева распорядиться, чтобы над скалою батареи повесить старый парус-марсель, что и было на следующий день сделано. В это время по приказанию начальника, переданному через гардемарина фрегата, успели заклепать все орудия на батареях, исключая № 2-го, на косе, закрывающей фрегат, командир которой понял несообразность такого решения. К счастью нашему, за неимением в порте стали, заклепки были сделаны ершами из гвоздей мягкого железа, так что при произведенных утром 18-го числа выстрелах стапином с дульной части парохомым газом выбивало заклепку из запала; при производстве этих выстрелов едва не утопили, как рассказывали мне расклепывающие пушки люди, одно десантное неприятельское судно. Между тем, по сигналу, неприятель ушел, и огонь его прекратился, как бы для отдыха, после пробной перестрелки.

18-го числа с 4-х часов пополудни и все 19-е число были употреблены нами, равно и неприятелями на исправление повреждений. Из повреждений этих заметно было на фрегате «Президент» разбитие кормового транца и кормы. При этом, по всей вероятности, убит с батареи № 1-й адмирал Прайс. Можно предполагать, что Прайс, придя на позицию, спустился в каюту. Влетевшая туда наша бомба произвела разлом и сотрясение, что заставило капитана спуститься в каюту, где, увидя прах адмирала, приказал слуге прикрыть его, а сам объявил команде, что о пробоине безвредной не должно беспокоиться, а следует вернее наводить орудия на неприятелей. Эта необходимая ложь экспромтом подала повод воспользоваться славной смертью адмирала Прайса и придумать самоубийство, совершенное им будто для того, что адмирал, при старости, с упадком энергии, боялся ответственности за промедление времени и неуспех первой попытки овладеть портом и Камчаткою. Грешно и стыдно клеветникам, и смешно верить таким выдумкам, что русское ядро или бомба не может убить английского адмирала... Сомневаться в этом тем более странно, что командир батареи № 1-й говорил мне, да и всем известно, что на пробной стрельбе с батареи в щиты они по первому выстрелу разбивали их в щепки; когда же фрегат стал по течению кормою к батарее, то воспользовавшись удачным прицелом, наши разгромили корму...

19-го числа тело адмирала было погребено на берегу Тарьинской бухты, и над могилою сложено возвышение и покрыто дерном. Когда время утишит страсти, англичане, без сомнения, почтут память павшего воина достойным мавзолея и поставят его на могиле сраженного адмирала!

20-го августа неприятели с той же позиции, но на ближайшем расстоянии открыли огонь с своих судов, рассчитывая решительным действием сбить батареи порта, полагаясь на превосходство в силе артиллерии. Но наши матросы, приучась к огню, стойко отплачивали неприятелю своими выстрелами, так что и в этот день неприятель не мог осуществить своих ожиданий. Успех для нас был бы еще полнее, если бы командиры наших батарей стреляли калеными ядрами, для чего были устроены на № 2-м и № 3-м ядрокалительные печи из чугунного балласта (наподобие употребляемых нашими черноморцами для матросских бань). Клещи были вновь сделаны и с фрегата взяты на берег; пыжи намочены – не доставало лишь умения! Когда я спрашивал командира батареи № 2-й, «зачем он не стрелял калеными ядрами?», то получил простосердечный ответ: «Странно вы предлагаете, когда видели, что я должен был стрелять рикошетами; ведь ядра от всплесков охлаждаются!..» Слыша такую чепуху, я, однако, должен был молчать, так как распоряжением г. Завойко я лишен был права приказывать. Наконец, вполне убедившись, до какой степени плохо делаются распоряжения к обороне, я счел долгом солдата оставить в стороне оскорбленное чувство человека и обратиться к г. Завойко с предложением моих услуг при защите порта. Для этого я отправил к нему письмо, в котором выразил, что мне более 20-ти раз приходилось быть в делах с

неприятелем, а потому из числа наличных офицеров едва ли кто-нибудь в состоянии заменить меня за недостатком боевой опытности. В ответ на это письмо я получил разрешение. Приказ по этому предмету состоялся утром 23-го августа. Вступив в командование своей частью, я начал с того, что собрал людей и в краткой, одушевленной речи напомнил им лежащие на них обязанности, причем поставил им на вид их нерешительность во время сбора для отражения неприятеля 18-го августа. «Теперь, друзья, я с вами, – прибавил я, – клянусь крестом св. Георгия, который честно ношу 14 лет, не осрамлю имени командира! Если же вы увидите во мне труса, то заколите штыками и на убитого плюйте! Но знайте, что и я потребую точного исполнения присяги – драться до последней капли крови!..» «Умрем – не попятимся!» – был единогласный ответ их. – «Песенники, вперед!» – крикнул я, невольно одушевляясь, и солдатики бодро, весело гаркнули песню «За царя, за Русь святую грянем песню в добрый час!». Распуская людей, я отдал приказание подточить штыки и осмотреть кремни и замки.

19 числа, во время похорон адмирала Прайса, англичане встретили двоих американских матросов с судна, стоявшего в нашей гавани под национальным флагом. Матросы эти были посланы своим шкипером рубить дрова, и те, из сочувствия к своей расе, взялись показать англичанам тропинку, удобную, по их мнению, для входа и овладения портом.

Вследствие этого 24 августа, около 8-ми часов утра, неприятели задумали воспользоваться этим открытием и, замаскировав нападение, начали пальбу по батарее № 1 у мыса Шаховой, где развешен был парус; по батарее № 3, у Лаперузова перешейка, где оторвана рука у командира князя Александра МаксUTOва, и по батарее № 7-й у оконечности горы Никольской; затем высадили десант и осыпали фрегат пулями, без всякого, впрочем, вреда. Сбив батареи № 3 и № 7-й, неприятели свезли всю силу десанта из 700 человек. Услышав тревогу, я бросился в казармы и, видя, что люди все в движении, явился к г. Завойко, во все время действия стоявшему за пороховым погребом под горою. Здесь, заметив смертельно раненного, еще дышавшего молодого сына купца Сахарова, я распорядился отнести его в госпиталь, и, видя, что наши чиновники, вооруженные ружьями со штыками, были совершенно бесполезно разбросаны по подошве горы, правее погреба, на жертву неприятельских выстрелов, я испросил позволение немедленно возвратить их и поместить телохранителями при особе начальника... Чтобы охарактеризовать, до какой степени начало боя производилось беспорядочно, укажу на то, что происходило возле самого г. Завойко. Господин полицеймейстер, поручик Г., имевший приказание защищать неприступную с моря высоту Никольской горы и батарею № 7-й, самовольно спустился оттуда со стрелками, видя, что неприятели как бы обходят его по вышеупомянутой тропинке, совершенно при этом не понимая, что она защищена батареей № 6-й с шестью орудиями. Затем, как бы желая оправдать себя, он уселся у ног г. Завойко и, стреляя наудачу, кричал: «Убил, убил, ваше превосходительство!» Сцена была поистине комическая!.. В это время неприятели-французы под предводительством английского лейтенанта

Паркера показались на полугоре. Вследствие этого посланы были две партии стрелков – первая под командою мичмана Михайлова, а вторая под командою лейтенанта Анкудинова. В это время я следил за движениями неприятеля и, куря сигару, разговаривал с инженер-поручиком Мровинским, как вдруг пуля ударила его в ногу, а другая убила наповал лошадь, стоявшую шагов за 600 от нас у полевого орудия. Между тем г. Завойко, узнав о движении неприятеля в обход горы, приказал мне идти на батарею № 6-й у озера, лежащую в 200 шагах от порохового погреба, с тем, чтобы не допускать неприятеля пройти указанной ему тропинкою. Придя по назначению, я просил командира батареи г. Гезехуса, чтобы прислуга из писарей зарядила орудия через одно – ядром и картечью, а сам приказал бывшим тут казакам нарезать шашками травы и прикрыть ею орудия. Затем, направив, при содействии прапорщика морской артиллерии Сахарова, все орудия по прицелам и посадив бойких писарей за насыпью, сам стал на банкет. Вскоре явились два англичанина в красных мундирах с белыми перевязями; за ними подошли еще четверо и вздумали прицеливаться по мне, как единственной живой цели. Я стоял шагах в 600 от них, между первым и вторым орудием слева и, в простоте сердечной, еще не зная полета штуцерных пуль, только грозился им саблей, дорожа зарядом орудий. Остальные из высадившихся англичан поджигали в это время сарай с запасом соленой рыбы в обрезках. Неприятели, пошутив со мною и не пробуя стрелять, вздумали возвратиться. Тогда, дернув за шнурок, я сделал выстрел, и неприятели, подхватив одного на руки, скрылись к рыбному сараю. Видя, что присутствие мое на этом месте бесполезно, я передал пост командиру, корабельному инженеру Гезехусу, а сам отправился с донесением к г. Завойко. Идя туда, я заметил, что неприятель растянулся по горе между кустарниками мелкого кедровника и лысынами. Тогда я стал проситься лично повести партию стрелков из 30 человек. Генерал возразил на это, что не может решиться, не имея около себя людей. Я повторил свою просьбу и прибавил: «Вокруг вашего превосходительства остаются преданные чиновники, а если неприятель опомнится и возвратится, то поставит наши партии между двух огней – с тыла и спереди». Стоявший возле секретарь Лохвицкий поддержал мое мнение, и я получил дозволение идти в дело. Отправясь с своей партией в обход неприятеля за погребом, я едва не выстрелил по унтер-офицеру Шеполихину, приняв в кустах его синюю фуражку за неприятельскую. Идя далее, встретил я мичмана Фесуна с 12-ю матросами. Мичман не принял моего предложения присоединиться ко мне, он спешил к г. Завойке, своему дяде; затем, идя далее, я увидел французика-гардемарина, заколотого русским солдатом, и вслед за тем лейтенанта Пилкина, прапорщика Жилкина и боцмана Подсамуйлова с 90 матросами; все они были вызваны с фрегата посланным от начальника гардемарином с призывом: «Все пропало! Посылать всех в стрелки!» ...Я не стану описывать всех приключений боевого столкновения моей партии с неприятелем. После общего «ура!», ударив в штыки с фланга, мы опрокинули неприятеля и, быстро преследуя его, вскоре сошлись с 1-й и 2-й нашими стрелковыми партиями. Успех был полный! 32 тела неприятельских нашли мы на месте встречи моей партии, из которой ни одного человека не оказалось раненым, что можно приписать хорошему умению владеть штыком. Бегущие неприятели бросались почти с отвесной скалы и на берегу собрались у своих гребных судов. В это время подползли к ним из-за камней 16 камчадалов, обыкновенно убивающих бобра в головку, чтобы не испортить шкурки, теперь они своими меткими выстрелами увеличили поражение неприятелей. Увлекаясь полным успехом дела, я предложил было г-ну Пилкину броситься вместе и отрезать неприятелей от

гребных судов; но он объявил мне, что не имеет на это приказаний и, оказав нам помощь, обязан воротиться к фрегату, где союзники замаскировали нападение... Спустя полчаса после удаления неприятелей я послал унтер-офицера доложить г. Завойко о происшедшем, и что если будет приказано проиграть отбой, то мы спустимся с горы. Отбой вскоре последовал, и мы возвратились к погребу. Здесь генералу угодно было назначить меня собирать по горе убитых и раненых. Но я, страдая удушьем от ощущений успеха и боя, отправился в госпиталь, где доктор Линчевский, к удивлению для самого себя, должен был пустить мне кровь. Возвратись к погребу, я присутствовал там при похоронах – своих и неприятелей. Здесь на сорочке убитого английского предводителя нашли надпись «Parker», а в кармане – состав высаженного десанта, афишку из театра Франциско в Калифорнии об опере «Эрнани» и пометку на ней карандашом: «N'oubliez pas de prendre dix paires de bracelets». Затем последовало угощение начальника, но я отказался от него и обедал в последний раз за общим нашим с чиновниками сборным столом в канцелярии губернатора.

26 августа неприятельская эскадра удалилась в океан.

3-го сентября я, несмотря на свое нездоровье, вынужден был отправиться, по предписанию контр-адмирала Завойко от 1 сентября 1854 г. за № 2397 и второму его же предписанию от 2-го сентября за № 2408, на боте № 1-й (в 40 ф. длины) с тем, чтобы передать паровой шхуне «Восток» запас камчатского каменного угля и отправиться на ней далее в Большерецк. Уголь, которым нагружено было судно, был мокрый, так что мы едва не сгорели от начавшегося его разложения. К счастью, что противный ветер не позволил нам три дня выйти в океан, а пришедший тендер «Кадьяк» привез известие, что шхуны «Восток» и нет в Большерецке. Поэтому назначение мое на несомненную гибель было отменено, и вскоре, 15-го числа, я был отправлен в Аян на нанятом американском бриге «Noble».

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СМЕЛЫХ СЛУЧАЕВ ИЗ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО ДЕЛА

(«Морской сборник», 1857, июнь, отдел «Смесь», с. 7–9)

Один из молодых матросов отправлен был в дело, происходившее на крутой покатости [Никольской] горы, в кустах и густой траве. Дело было рассыпным строем. Матрос обронил ружье, которое и скатилось под гору, где он и наткнулся на двух неприятелей, которые, еще не видя его, поднимались из кустов. Без ружья – верная смерть или плен и

задаром! Что делать! Думает: «Пропал! Ну, да хоть перед смертью покатаюсь на неприятелях!» И из-за куста прыг на двух англичан. Молодцу посчастливилось так ловко схватить их обоих за шеи, что у них от неожиданного и смелого сжатия шейных жил в глазах потемнело. Они с ружьями оба ничего не могли сделать отчаянному смельчаку без ружья и повезли его под гору, далее от своих, к нашим разночинцам. Матрос наш кричит: «Спасите, спасите, помогите!» А неприятели его, рослые толстяки, мчатся и кричат: «Годдэм!» На этот крик прибежал камчадал, немой мальчишка лет 15, и заколол поодиночке обоих неприятелей в виду еще многих и освободил смельчака. До десяти человек подтвердили это происшествие. Смелчак матрос за потерю ружья получил от меня выговор, а за отважность подарены ему оба неприятельские ружья.

Вот еще один из многих случаев, которыми порадовали меня молодцы, мои товарищи по военному делу, в Петропавловском порте.

Рекрут 47 флотского экипажа, невидный собою, Сунцов был отправлен в дело. Когда подползли к неприятелю, он просил боцмана показать, где неприятельский офицер. Боцман ему указал. Сунцов выскочил вперед и заколол офицера: то был командир всего неприятельского десанта. Сунцов получил по статуту Георгиевский крест, а от убитого неприятельского офицера достались ему труба и золотые часы. Когда я призвал Сунцова и спросил, как он это сделал, он отвечал: «Я слышал, за что Георгиевским крестом награждаются – и пожелал умереть или заслужить крест».

Не в силах я рассказать о храбрости каждого офицера и в особенности передать тот момент, когда офицеры повели каждый свой отряд в рукопашный бой, под градом штуцерных пуль, в гору, на неприятеля, в шесть раз превосходившего нас численностью, и об отличной храбрости низших чинов при разных случаях и в особенности, как матросы берегли своих офицеров во время боя: ежели бы я стал рассказывать про одного, то обидел бы другого, и тем более, если бы чего-нибудь не вспомнил подробно; скажу только, что я был счастлив всеми офицерами и нижними чинами, исполнившими свой долг...

Весьма любопытны воспоминания об обороне Петропавловска-Камчатского Агафьи Карандашихи, вдовы урядника Карандашева, которые на рубеже XIX и XX вв. были записаны исследователем Камчатки А. П. Сильницким. Приводим их по сочинению А. Сильницкого «Поездка в северные округа Приморской области» («Записки Приамурского отдела имп. Русского Географического Общества», т.

VI

, вып.

/
, Хабаровск, 1902, с. 76–78).

Эта почтенная старуха принимала непосредственное участие в блистательной обороне Петропавловска от покушения на него в 1854 году англо-французской эскадры. Ее муж был казачий урядник, а она сама, тогда еще молодая, частенько работала поденно для семьи Василия Степановича Завойко. Когда на Петропавловск неожиданно-негаданно напали враги, Завойко, как известно, всех призвал к оружию, причем правитель канцелярии камчатского губернатора коллежский ассессор Лохвицкий был командиром орудия батареи, расположенной на Кошке. На эту батарею, наиболее опасную, был назначен муж Карандашихи, урядник Василий Карандаш[ев]. Его жена, Агафья Ивановна, не пожелала вместе с прочими женщинами спастись в горы, но пошла на батарею и во время горячего артиллерийского боя 17, 20 и 24 августа была на батарее, подавая заряды, поправляя лопатой подстреленные земляные закрытия батареи. Ее муж, раненный 20 августа осколком снаряда, за неимением перевязочного пункта, лежал тут же, в тылу батареи, и Агафья Ивановна, помимо активного участия, собственно, в обороне, исполняла роль сестры милосердия и в отношении к своему мужу, уряднику Карандашу, и в отношении к другим героям бессмертной обороны Петропавловска.

В то время, когда Агафья Карандашиха доблестно несла на петропавловской батарее артиллерийскую службу, у нее тут же, на батарее, за земляным закрытием, лежал грудной младенец Иван. Грохот артиллерийского боя не остался бесследным для Ивана Карандаша: он, как говорят в Камчатке, «мерячит», т. е. с ним бывают припадки, которые делают его плохим работником и обузой для матери. Это меряченье есть следствие испуга грудного младенца пушечной пальбой, отразившегося на его психике и сделавшего его инвалидом.

У Карандашихи только и семьи, что этот полукретин сын, хотя, впрочем, уже женатый, и героиня лучшей страницы истории русской военной славы после смерти своего мужа от раны, полученной в бою 20 августа, живет в величайшей бедности.

С чувством глубокого уважения должен сказать об отношениях к Агафье Карандашихе экипажа транспорта «Якут» и петропавловского окружного начальника Ошуркова.

Раннею весною, лишь приходит в Петропавловск «Якут», как Карандашиха в тот же

день является к командиру с визитом, и все командиры «Якута» и других военных судов, посещающих Петропавловский порт, а их переменялось уже много, принимают восьмидесятилетнюю героиню-камчадалку; они подают ей руку, приглашают к себе в каюту. Приглашает Карандашиху и кают-компания.

По какому бы делу ни пришла Карандашика и к начальнику округа, она приглашается им в гостиную и ей подается угощение. Помимо этого, моряки и Ошурков кормят Карандашиху и ее мерячащего сына; Ошурков ежемесячно отчисляет ей из собственного пайка провианта обычный солдатский паек, а что касается «Якута», то таковой снабжает старуху решительно всем.

По моему мнению, защитница Петропавловска имеет право на признательность не частных лиц, каковыми в данном случае являются экипаж того или другого военного судна и личность окружного начальника, но правительства, тем более, что на попечении Карандашихи остался больной сын, отец которого убит в бою, а он, тогда еще грудной младенец, в том же бою получил увечье. Даже одно это обстоятельство делает Карандашиху достойной внимания и щедрот правительства. Да и сама-то она разве не заслужила? Разве не стояла она грудью за своего царя, за свою родину?

У нас на Руси частенько, впрочем, остаются в забвении подвиги высокой доблести, высокого самоотвержения. Многие славные деяния русских людей благодаря их природной скромности остаются в неизвестности, и узнают о них сплошь и рядом случайно. Живых героев Петропавловского боя только и осталось, что Карандашиха, да и той уже 82 года!

Не послужит ли изложенное мною об Агафье Карандашике, живой реликвии петропавловской славы, к тому, чтобы власти обратили внимание на эту старуху, чтобы ей дан был хотя какой-либо знак признательности государства к тем, кто так блистательно, кто так геройски отстаивал честь и достоинство России в отдаленнейшем и пустынейшем ее уголке?